

А.К. Камалов^{1*}, Р.К. Юсупов²¹Университет «Туран», Алматы, Казахстан;²Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, Алматы, Казахстан

(E-mail: a.kamalov@turan-edu.kz; rahm_yus@mail.ru)

Устная история миграции из Китая в Казахстан в период «культурной революции» (1966–1976 гг.)

В статье исследован последний этап межгосударственной миграции из Китая в Казахстан в 1950–1970 гг., которым стал период так называемой «великой культурной революции», начавшейся в Китайской Народной Республике (КНР) в 1966 г. и длившейся почти десять лет. Миграция этого периода из Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР в советский Казахстан не носила массового характера и выражалась в групповых пресечениях казахстанского участка советско-китайской государственной границы молодежью из числа казахов и уйгуров, преследуемых властями в качестве «контрреволюционеров» и «ревизионистов». События, связанные с бегством отдельных групп молодежи в Казахстан в первые годы «культурной революции», реконструированы в статье на основе устных историй, записанных в ходе реализации научно-исследовательского проекта «Устная история миграции в 1950–1970 гг. из Китая в Казахстан», архивных материалов и мемуарной литературы. Изучение устных историй и других источников позволило выявить специфические особенности миграции указанного времени, которые заключались в том, что она коснулась ограниченного круга политически активной молодежи из числа местных тюркских народов СУАР и представляла стихийное бегство отдельных групп молодых людей в экстремальных политических условиях, а именно в условиях политической борьбы за власть между разными группами Коммунистической партии Китая, массовых политических репрессий и преследований. Последняя группа беженцев прибыла в Казахстан накануне 1970 г., после чего «железный занавес» в советско-китайских отношениях закрылся окончательно.

Ключевые слова: устная история, миграция, «культурная революция», Синьцзян, советско-китайские отношения.

Введение

Окончание гражданской войны в Китае победой коммунистов, провозгласивших 1 октября 1949 г. создание Китайской Народной Республики, ознаменовало начало нового периода в советско-китайских отношениях, связанного с возникновением нового социалистического государства в Азии. За два десятилетия эти отношения претерпели чрезвычайные изменения, перейдя от «вечной дружбы» и тесного экономического и политического сотрудничества к противостоянию и открытой вражде, выразившейся в приграничных вооруженных конфликтах. Трансформацию советско-китайских отношений в 1950–1960 гг. можно проследить в самых разных сферах, в том числе в инициированной правительством КНР и поддержанной советским руководством репатриации советских граждан из Китая в СССР, в которую была вовлечена, прежде всего, Казахская ССР. По обоюдному решению, репатриация советских граждан из Китая началась в 1954 г. и, в целом, завершилась к концу 1963 г. Ее были охвачены советские граждане разных этнических групп, жившие в основном в двух приграничных районах Китая — Синьцзяне и Маньчжурии. Репатриация советских граждан вылилась в массовую миграцию местного населения Синьцзяна (казахов, уйгуров и др.) в Казахстан, основными этапами которой стали: а) плановая и согласованная с китайскими властями репатриация в 1954–1962 гг.; б) массовый исход (бегство) населения приграничных районов Или и Тарбагатай, в основном, казахов и уйгуров, в первой половине 1962 г., пиком которого стали «события 29 мая» 1962 г., выразившиеся в протестах жителей г. Кульджи и его окрестностей против введенных китайскими властями ограничений и запрета на выезд в СССР и кровавое подавление митинга в городе Кульдже; в) завершающий этап репатриации в 1962–1963 гг., когда было организовано переселение оставшихся в провинции советских граждан и их родственников [1]. Однако 1963-й г. не стал последним годом в миграции населения из СУАР в Казахстан указанного времени: через несколько лет, с началом «великой пролетарской революции» в Китае (1966 г.), в результате жестоких политических кампаний и борьбы за власть в руководстве Коммунистической партии Китая, отдельные группы казахской и уй-

* Автор-корреспондент. E-mail: a.kamalov@turan-edu.kz

гурской молодежи были вынуждены бежать в советский Казахстан. Это были нелегальные переходы через государственную границу представителей политически активной, в основном, образованной молодежи, стремившейся к воплощению своих общественных идеалов. Этот процесс затронул значительное число населения. Группы мигрантов, пересекавшие границы, обосновывались в разных частях Казахстана; чаще всего, после необходимого дознания и проверки их направляли в целинные области, откуда они, однако, со временем переезжали в крупные города Казахстана и Средней Азии (Кыргызстан и Узбекистан).

Информация о событиях, связанных с «культурной революцией» в Китае и советско-китайскими отношениями в советское время, строго контролировалась цензурой, поэтому публикации сведений о них в средствах массовой информации или печатных изданиях были большой редкостью [2]. Во время советско-китайского идеологического противостояния и конфронтации, в 1970–1980-е гг., о том, что происходило в Китае, в целом, и в СУАР, в частности, можно было узнать только из специальных изданий научно-исследовательских институтов и центров, таких как Институт Дальнего Востока (ИДВ), Институт востоковедения АН СССР и др. К редким публикациям относилась книга «Четыре года в хаосе: о так называемой «культурной революции» в Синьцзяне» А. Базильбаева (1978 г.) [3]. А. Базильбаев был вымышленной фамилией, под которой скрывался один из беженцев из СУАР периода «культурной революции». При этом эта книга была издана ко времени окончания «культурной революции» в Китае. Немногие переселенцы периода «культурной революции» дожили до наших дней. Тем ценнее оказались воспоминания и интервью мигрантов, которые удалось найти и зафиксировать в ходе реализации Научно-исследовательского проекта по устной истории миграции 1950–1970 гг. из Китая в Казахстан.

История «культурной революции» достаточно хорошо освещена в западной научной литературе, самые ранние труды по которой были созданы Дж. Робинсон [4, 5]. Специфика политического развития Синьцзяна в 1960–1970 гг. рассматривалась в трудах О. Э. Клабба [6; 481–508], Д. Макмиллена [7; 181–253]. Большой интерес представляют мемуары очевидцев «культурной революции» в Синьцзяне, опубликованные в эмигрантской литературе в последние десятилетия. К ним относятся воспоминания татарки Суюнгул Жанишевой [8], общественных деятелей Ахмета Эгамберди [9] и Рабии Кадыр [10]. «Культурная революция» в Синьцзяне стала объектом диссертационного исследования американской исследовательницы Сандрин Э. Катрис [11].

Методы и методология исследования

Исследование основано на применении метода устной истории, при котором важным источником информации становятся рассказы очевидцев событий. В ходе осуществления научно-исследовательского проекта, частью которого является данная статья, были проведены интервью эмигрантов из Китая, переселившихся на территорию Казахстана в конце 1960-х гг. В связи с чувствительностью вопроса миграции из Китая, имена некоторых респондентов, рассказавших свои жизненные истории, были изменены. Это делалось с тем, чтобы избежать возможных негативных последствий для их близких и родственников, которые все еще находятся за пределами нашей страны. Устные рассказы очевидцев поставлены в более широкий контекст истории советско-китайских отношений и проанализированы с учетом научной литературы, имеющейся в отечественном и зарубежном востоковедении, в том числе мемуарной. Переселение из СУАР в Казахстан в период «культурной революции» также рассматривается нами как часть процесса межгосударственной миграции 1950–1960-х гг., изученных учеными Казахстана [12] и стран СНГ [13].

Результаты и их обсуждение

8 августа 1966 г. Центральный Комитет КПК объявил о начале «Великой пролетарской революции». Концепция «культурной революции» развивалась в марксистской теории, согласно которой она представлялась неизбежной частью развития общества послереволюционного периода. Культурная революция должна была произвести социалистические изменения в надстройке общества, которые включали институты, организации, традиции, обычаи и идеологию, очистив их от остатков буржуазного образа жизни и буржуазных идей [4; 14]. После изменения базиса (экономической структуры общества) предполагалось реформировать надстройку, которая должна была быть приведена в соответствии базису. Идея проведения культурной революции была использована Председателем КПК Мао Цзэдуном в 1966 г., когда волонтаристские экономические реформы «большого скачка» прова-

лились, и страна столкнулась с экономическими трудностями. Провал экономических реформ вызвал отрицательное к ним отношение у отдельных членов ЦК КПК во главе с Лю Шаоци, являвшимся Президентом КНР с 1959 г. Лю Шаоци внедрял меры по поддержке мелких предпринимателей, что со стороны Мао Цзэдуна было воспринято как попытка усиления своего собственно положения в противовес ему. В 1965 г., восстановившись от болезни, Мао Цзэдун начал решительную борьбу против ревизионистов, под которую подвел цели «культурной революции». Если борьба против внутренних противников экономических реформ была внутренним фактором проведения серии идейно-политических кампаний под лозунгом «культурной революции», внешний, международный фактор «культурной революции» заключался в противоречиях между коммунистическими партиями Китая и Советского Союза. Идеологические разногласия между двумя партиями существовали давно. Так, китайские марксисты не были согласны со сталинской трактовкой классовой борьбы, которая должна была закончиться при установлении социализма: они придерживались, напротив, идеи «перманентной революции», в чем-то консолидируясь с Л. Троцким. Эти разногласия обнажились после смерти И.В. Сталина в 1953 г., особенно после критики культа личности И.В. Сталина на XX съезде КПСС и политики десталинизации, начатой Н.С. Хрущевым, которого китайские коммунисты считали предателем, прекратившим борьбу с международным империализмом. Это противоречивое отношение к двум советским лидерам было выражено Джоан Робинсон следующим образом: «Сталин сохранил базис социализма в Советском Союзе, а Хрущев, пытаясь изменить надстройку, только нанес урон базису» [4; 13]. В отличие от СССР, где средний класс был полностью уничтожен, в Китае средний класс признал власть коммунистов и был готов вместе работать над созданием нового общества. Их инкорпорацию в новое общество поддерживали члены КПК, занимавшие правые позиции [4; 14], которых во время «культурной революции» представили, как зло. Коммунистов с правыми взглядами было достаточно много во власти, и они усиливали влияние в политической жизни. Особенно прочные позиции правые имели в системе образования, где дети среднего класса пользовались большими привилегиями, чем дети рабочих и крестьян. В связи с этим главной сценой политической борьбы левых сил с так называемыми «ревизионистами» стали университеты, а движущей силой «культурной революции» стала студенческая молодежь. В 1966 г., по указанию Мао Цзэдуна, стали создаваться «революционные комитеты» студенческой молодежи, которые получили название «хунвэйбинов» (красных охранников). Наряду с ними на заводах и фабриках из числа рабочих стали создаваться группы «цзаофаней» (бунтарей). Под лозунгом «огонь по штабам» отряды хунвэйбинов и цзаофаней нападали на партийные органы, подвергали избиению и унижению кадровых работников и интеллигенцию. Деятельность этих групп была прекращена в 1969 г.

Результаты и их обсуждение

Деятельность «революционных групп» СУАР КНР отличалась наличием в провинции национального вопроса. Кроме политических предпочтений, «революционная» молодежь обвиняла партийных деятелей в «местном национализме». Как и в столице, в административном центре СУАР — г. Урумчи, первые отряды хунвэйбинов были созданы в университетской среде, а именно в Синьцзянском университете. По описанию очевидцев, «хунвэйбины» организовали погромы памятников национальной культуры, в том числе мусульманские святыни и мечети. «Они с силой врываются в мечети, изгоняли верующих, устраивали погромы, нанося повреждения минаретам и куполам, созданным руками и разумом трудового народа. Так, были разрушены и осквернены мечети в гг. Урумчи, Боротала, Турфан, во многих уездах Кашгарского округа» [3; 21, 22] Вслед за известными событиями в Пекинском университете, когда после очередной критической статьи в «дацзыбао», разоблачавшей партийное руководство и унижения, которым вслед за этим подверглись 29 человек из числа партийного руководства города и университета, аналогичные события произошли в Урумчи. Студенты Медицинского института вывели на улицу проректора Аим Азизи, жену председателя народного комитета Сайфуддина Азизи, и издевались над ней. Семья С. Азизи смогла «уйти от ударов» красной гвардии благодаря тому, что Мао Цзэдун положительно отозвался о нем. Этого не удалось избежать заместителю председателя народного комитета Мамтемину Иминову, который был сначала продержан в заточении, выпущен и уже арестован вновь после того, как он поддержал одну из противоборствующих групп студентов, поместив в «дацзыбао» статью с критикой партийных руководителей г. Бай во время голода. Мамтемин Иминов скончался в тюрьме в 1970 г. и был реабилитирован в 1980-е гг. [14].

«Культурная революция» происходила в условиях обострения советско-китайских отношений, которое усиливалось как на уровне двухсторонних отношений, так и в рамках коммунистического движения. Апогеем противостояния стали военные столкновения в 1969 г. на советско-китайской границе на острове Даманск, на реке Уссури (2 марта 1969 г.) и на казахстанско-синьцзянском участке границы, у озера Жаланашколь (китайцы называют его «инцидентом у Теректы») (13 августа 1969 г.). Как отмечает Т. Робинсон, «физические столкновения между двумя странами стали нормальными; и два государства подвели себя к грани дипломатического разрыва» [5; 265]. Советская пропаганда в обращенном на синьцзянскую аудиторию радиовещании на казахском и уйгурском языках активно проповедовала идею восстания местных народов против китайской власти и сообщала о деятельности Народной революционной партии Восточного Туркестана (НРПВТ), история которой уходила ко времени существования Второй Восточно-Туркестанской Республики (ВТР) на территории трех округов (Или, Тарбагатай и Алтай) [15]. Подпольные ячейки этой партии действительно существовали и активизировали свою деятельность, подогреваемые советской стороной [16].

В условиях политического хаоса и массовых репрессий в СУАР с началом «культурной революции» отдельные группы казахской и уйгурской молодежи были вынуждены искать убежище в СССР. Они пересекали советско-китайскую границу и попадали на территорию Казахстана, где проходили проверку государственных органов и направлялись на поселение в разные районы. Те, кто имел родственников или иную поддержку со стороны советских учреждений, направлялись в столичный город. Некоторые из этих мигрантов в последующем смогли добиться больших успехов в своей области деятельности. К ним относились, например, Айтан Нусипханов был назначен руководителем телеканала «Алатау», а позже работал в Министерстве иностранных дел Казахстана. Абылгазы Даулетхан защитил кандидатскую диссертацию по истории Тюркешского каганата и является ведущим научным сотрудником Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова [17]. Большую известность получил уйгурский поэт Долкун Ясенов (1938–2005), который в 1961 г. окончил Среднеазиатский государственный университет (САГУ, позже ТашГУ), после возвращения в Синьцзян, в 1963–1968 гг., работал в редакции журнала «Тарим» в Урумчи. Бежал в СССР с группой товарищей и пересек границу 6 ноября 1968 г. В Казахстане он стал членом Союза писателей республики, работал в республиканской газете «Коммунизм туғи» (нынешний «Уйгур авазы»), был главным редактором газеты «Йеңи заман». Ахмат Мухит (1944 г.р.) обосновался в Ташкенте, где работал в уйгурской редакции радиовещания Узбекистана, получил известность как поэт и сейчас живет в г. Ангрене (Ахангаран). Многие из числа переселенцев периода культурной революции обосновались в Алматы и его окрестностях.

В интервью редакции «Азаттык» историк Абылгазы Даулетхан вспоминал об обстоятельствах своего переезда в советский Казахстан в 1968 г. следующим образом: «...Мы приложили все усилия, чтобы изменить направление, которое обозначил Пекин после «культурной революции», начавшейся в 1966 г. Попытались уничтожить капиталистическую точку зрения внутри партии. Хотели доказать, что действия руководителя, направленного Китаем в Синьцзян, противоречат Мао. В тот момент мы думали, что местное руководство искажает национальную политику китайского вождя Мао Цзэдуна. Мы обвинили местное руководство в том, что они придерживаются шовинистической политики. Во всем Китае действия приняли такой размах. Из мешков, наполненных песком, в центре Урумчи была сооружена граница; народ разделился на два лагеря: на тех, кто поддерживал местное руководство, и тех, кто считал, что искажается политика высшей власти. Народ был готов к восстанию. В тот период начались всеобщие аресты. Было ясно, что пойманные будут наказаны. Публиковались наши фотографии. Три месяца мы скрывались. В итоге вынуждены были приехать сюда. Кого-то поймали, кто-то попал под пули. Наша группа перешла через границу за восемь дней. За восемь дней, не увидев ни китайцев, ни русских, ни зверя и ни птицы, чуть не умерев от голода, мы перешли границу. Не увидели ни капканов на земле, ни сеток в небе. Не увидели этого и на советской стороне. За 20–50 метров от заставы криками позвали пограничников. Так, 2 апреля 1969 года я добрался из Китая в Казахстан» [17].

Более подробно об обстоятельствах отъезда группы молодежи рассказала Гульмира, дочь одного из репрессированных уйгурских политических деятелей (имя изменено). Ее отец относился к той группе китайских коммунистов, которые занимали руководящие должности в ВТР, а после прихода коммунистов были привлечены к государственной службе. Он подвергся критике во время кампании «трех знамен» в 1950-е гг., но из-за того, что пользовался авторитетом местного населения, был оставлен на своей должности в правительстве СУАР, но был направлен в 1964 г. в Пекин для повы-

шения квалификации, где он прожил с семьей два года. Гульмира училась в китайской школе Урумчи, а затем Пекина, где ее застала «культурная революция»: «В 1966 г. началась культурная революция. В это время мы учились в Пекине. Внезапно начались зловещие события, школы, заводы и фабрики прекратили работу, все ушли в политику. Тогда общество в Китае разделилось на две группы. Цзаофани были восставшие, а другие были защищавшиеся. Хунвэйбины сами разделились на две группы. Когда Мао Цзэдун призвал молодежь к действиям, они стали бить своих преподавателей, обвиняя их в симпатии к капитализму, даже убивали. Никакой власти нет, ответственности нет, любого человека могли очернить, написать о нем в дацзыбао, что он против революции, тогда его клеймили как ревизиониста, надевали колпак, руки завязывали сзади, ставили на колени, унижали и избивали. Толпа имеет ужасную силу. Это было время хаоса. Молодежь могла бесплатно садиться в поезда и ехать в любую часть Китая, никакого над ними суда. Они говорили, что едут обмениваться опытом. Мао Цзэдун семь-восемь раз принимал их представителей, вот и ехали на встречу с ним. Передвигались бесплатно, кушали бесплатно там, где хотели, короче, вели себя как бандиты, кого хотели, били. На огромной площади Тяньаньмынь собиралась молодежь. Вот тогда я воочию увидела, что такое фанатизм. Молодые люди прыгали, рыдали, кричали, вели себя как сумасшедшие. На одном из таких сборищ оказалась я, так как наша школа была поблизости от площади. Когда нас привезли на площадь, я испугалась. В какой-то момент стали уступать дорогу машине, на которой приехал Мао Цзэдун. Он стоял в машине, возле него были какие-то люди. Когда я увидела его лицо, я подумала, это — человек или мумия? На его лице не было никакой эмоции, а люди бьются, плачут, кричат. Вообще страшный был момент для меня. Взглянув на него, я думала, вот ради этого человека они ведут себя так. Я забеспокоилась о том, смогу ли я выбраться из этой толпы». [18] Продолжение «культурной революции» Гульмира увидела в Урумчи, куда вскоре они вернулись всей семьей. «Революционный комитет» арестовал ее отца, продержал сорок дней в тюрьме и выпустил. Однако после его выступления с критической статьей в настенной газете, его арестовали по приказу Чжоу Эньлая, председателя правительства.

В это время Гульмира со своей страшей сестрой и с молодым человеком Арыстаном, вступили в ряды Народной революционной партии Восточного Туркестана. Вскоре одного из членов партийной ячейки арестовали, и он выдал всех остальных. Когда об этом стало известно, группа молодых людей решили бежать в СССР, иначе их ждало заключение в тюрьму. Мать благословила своих дочерей к отъезду. Молодые люди ночью на грузовой машине выехали в Кульджу. Они были вскоре объявлены в розыск. В Кульдже и его окрестных селах они провели целый год, скрываясь от полиции и военных, которые устраивали облаву в поисках дочерей находившегося под арестом партийного руководителя. В Кульдже к ним присоединились несколько местных молодых людей, которые нашли одного пожилого мужчину, который вызвался перевести их в СССР. Не раз они попадали в сложные ситуации, из которых по воле судьбы им удавалось удачно выходить. Однажды, когда Гульмира на велосипеде поехала с Арыстаном из села, в котором они прятались, в Кульджу. На подступах к городу их остановила группа местных дружинников, участвовавших в поисках беженцев. Гульмира закончила китайскую школу и без акцента говорила на пекинском диалекте. Она представилась как китаянка, которой нужно попасть в Кульджу и которая попросила сопроводить молодого человека. Дружинники не поверили ей, но в этот момент на велосипеде появился китайский офицер, который, после объяснения ситуации, взялся сопровождать молодых людей в город. Гульмира думала, что офицер сдаст их полиции в первом участковом отделе, но, когда они приблизились к Кульдже, тот попрощался с ними. Радости не было предела!

Наконец, группа из девяти человек, направились в сторону советской границы. Шли только в ночное время, днем прятались, спали, отдыхали. Несколько раз были на волоске от опасности быть узанными и арестованными местным населением, которое могло выдать их властям за вознаграждение. Почти через месяц они добрались до границы, которую со стороны Китая охраняли не так строго, как со стороны СССР. Когда они, перерезав проволоку, вступили на советскую землю, весь пограничный гарнизон был поднят на ноги, но опять группе беспрепятственно удалось пешком добраться до ближайшего села Кольжат. Здесь они постучались в двери первого дома, объяснили ситуацию. Хозяева угостили их чаем и вызвали пограничников. Пограничники несколько дней допрашивали их, не веря тому, что так долго можно было скрываться и беспрепятственно дойти до границы. Через несколько дней, проверив их рассказы, их отправили в Алма-Ату. Группа перешла границу в декабре 1969 г., прямо накануне нового, 1970-го, года. В последующем, все члены группы оказались в разных местах: кто-то остался в Алма-Ате, кто-то уехал во Фрунзе и Ташкент. Гульмира поступила

на китайское отделение Восточного факультета ТашГУ, вышла замуж за Арыстана и обосновалась в Ташкенте [18].

Если история Гульмиры, ее сестры и их товарищей была уникальной и полна приключений, то история Абдушукура Иминова, 1948 г.р., жителя микрорайона Достык г. Алматы, была типична для многих других групп выехавшей в то время молодежи. Свой рассказ Абдушукур начал со своего отца, который работал в полиции, а после прихода коммунистов учился в Институте сельского хозяйства, получил работу в торговой сфере в Урумчи. В 1958 г. его обвинили в «местном национализме» и сняли с должности. Его родители выехали в СССР в 1962–1963 гг., но он не смог выехать. Абдушукур родился в Боротала, на севере Илийского края, закончил там школу. Перед окончанием школы сдал вступительные экзамены в университет, но тут началась «культурная революция», и учебный процесс был приостановлен по всей стране. Абдушукур оказался в водовороте политических событий: «Мы тоже стали хунвэйбинами и возвеличивали Мао Цзэдуна. Прикрепляли красную ленту. Можно было идти в любое место. Например, заходили к начальника области Боротала и говорил: «Докладывай о своих ошибках». Мы выводили его к народу, говоря: «Какие ошибки ты совершил в отношении партии?» Никакого суда. Если совершил преступление, на голову надевали бумажный колпак. Потом его водили по улице напоказ. Никто не проверял, что делалось. Короче, выходили за пределы возможного. Это была не культурная революция, а действия против культуры. Учащихся принуждали участвовать в таких действиях. Делили на первую, вторую, третью группы. Эти группы проводили между собой дискуссии. Если 1- и 2-я группы защищали что-то, то 3-я группа должна была выступить против них» [19]. Абдушукур вместе с остальными «хунвэйбинами» ездил в Пекин, где они остановились в общежитии Института национальных меньшинств. Через некоторое время среди народа стало нарастать недовольство бесчинствами. Абдушукур вступил в Революционную народную партию Восточного Туркестана. О том, что было связано с деятельностью их партии Абдушукур рассказывает: «После моего вступления в эту организацию, в системе Боротала мы проводили свою деятельность. Основной была поддержка Советского Союза. Насколько помню, мы сначала, в 1968 г., отправили в Советский Союз пять человек в качестве делегатов. В составе группы были Исмаил-ака, Айтан, Абит, Алымгази и Авут-ахун. Мы ожидали ответа нашей первой делегации. Однако оттуда мы не получили ответа. Сами тоже исчезли. Тогда мы назначили дату выступления, но она была отменена, отложена. Все друг друга знали, и все стало открытым». По рассказу Абдушукура, в апреле 1969 г. начались аресты. «Оказалось, что из нашей группы одного человека арестовали, но мы не знали об этом. Он не был из нашей школы, а был из общины. Мы у него дома готовили пропагандистские листовки. После того, как стали арестовывать других ребят, нам сверху сказали: «Вы должны уехать» [19].

Абдушукур помнит обстоятельства перехода границы: «Мы выезжали группами. В нашей группе должны были быть 13 человек. Однако к назначенному месту прибыли только девять; остальные не смогли. Остальные четыре не смогли по семейным обстоятельствам: их не отпустили родители или жены, или сами передумали. Мы переходили по горным тропам. На горе стоял камень с надписью «СССР», больше ничего нет. Ночью перешли границу, у нас был проводник. По плану, мы должны были пройти в течение дня. Мы поделились на две группы, первая переходила границу три дня. Мы втроем перешли на четвертый день. Через четыре дня встретили советских пограничников. Мы поднялись вверх в гору, потом спустились вниз. По дороге, увидев консервные банки, поняли, что находимся на советской территории. Те, кто переходили перед нами, шли, не встречаясь с пограничниками, дошли до дома животноводов. Они, спускаясь, натолкнулись на проволоку. Когда дошли до казахских животноводов, они отправили человека к пограничникам и привели их. Потом пограничники «сортировали» нас, кого-то допрашивали, кого-то отправили сразу в Кокшетау» [19]. Абдушукур рассказывает, что всего в то время перешли границу около 150–170 человек, из которых более 70 чел. поселили в Джамбуле (ныне Тараз), 40 чел. отправили в Кокшетау, около 30 чел. — в Аркалык.

Группу, где был Абдушукур, сначала разместили в местности Учарал-Коктума, потом отправили в Джамбул. В Джамбуле Абдушукур прожил восемь лет, после чего переселился в пос. Дружба (ныне мкр. Достык г. Алматы). Он вспоминает, что перед отъездом в СССР их убеждали, что советские власти их «встретят, подготовят и обратно вернут». Они ожидали, что их вооружат и отправят обратно, но этого не произошло. Перебежчиков продержали в здании КГБ 15–20 дней, после чего «для выяснения обстоятельств стали вывозить в тюрьму Алматинского КГБ». Через полмесяца Абдушукура и еще 16 человек отправили в виноградарческий совхоз им. Чапаева в Джамбулскую

область, объявив, что их дела проверяются и рассматриваются в Москве, а пока они временно должны пожить в этой местности. «Там нас было около 70 ребят уйгуров, казахов, монголов, в основном, выходцев из Боротала. Были также семьи из Чугучака» [19]. Другую группу переселенцев поселили в Алматинской области (с. Кызыл Кайрат, Каргалы), несколько ребят попали в г. Алма-Ату (Абит, Долкун Ясенов). Когда советские власти предложили им получить паспорта и вид на жительство, они отказались, ожидая, что скоро вернуться к себе на родину. Время от времени их посещали сотрудники КГБ, которые говорили, что их дела все еще находятся на рассмотрении в Москве. Шло время, никаких новостей не было. Становилось ясно, что их дело уже закрыли. Между тем, от ребят, прибывших из Боротала позже, до них дошли сообщения, что после их отъезда пятеро руководителей групп в Боротала были расстреляны, многие были арестованы и осуждены на сроки от 5 до 15 лет тюремного заключения. В Урумчи расстреляли 29 членов Народной революционной партии Восточного Туркестана во главе с Ниязовым.

По рассказу Абдушукура, те молодые люди, которые выехали в период «культурной революции», жили с надеждой на возвращение домой при поддержке советских властей. Эта надежда сохранялась вплоть до начала афганской войны в 1979 г. Впрочем, в это верили не только они, но и многие высокопоставленные деятели из СУАР, переселившиеся ранее в СССР. Когда приходилось бывать в столице, Абдушукур и его друзья встречались с генералом Маргупом Исхаковым, который обнадеживал их в том, что ситуация в СУАР еще изменится и их отправят на родину. Однако очень скоро эта страница истории была перелистана и забыта.

Заключение

Последний этап миграции из Китая в Казахстан в 1950–1960-е гг. отличается от предыдущего массового переселения жителей Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР в СССР, которое осуществлялось в рамках советской репатриационной политики. Несмотря на то, что процесс репатриации в СССР советских граждан, которая проводилась по обоюдному соглашению двух стран, прерывался массовым исходом (бегством) жителей приграничных районов в начале 1962 г., выталкивающие и притягивающие факторы миграции для всего этого периода были одинаковые. В результате этой миграции на территории Казахстана оказались около 230 тыс. переселенцев из Китая (не только Синьцзяна, но и Маньчжурии). Что касается, миграции из СУАР в Казахстан в период «культурной революции», особенно в 1968–1969 гг., то она была вызвана исключительно политическими причинами. Политическая борьба, усилившиеся репрессии местных кадровых работников и интеллигенции, массовые аресты и убийства, а также активизация деятельности Народной революционной партии Восточного Туркестана, которую поддержало недовольное политикой КПК местное население провинции, послужили выталкивающими факторами для переселения наиболее активной части казахской и уйгурской молодежи в соседний Казахстан. Важную роль при этом сыграла советская пропаганда, которая в условиях советско-китайского идеологического противостояния старалась использовать недовольство местного населения провинции политикой КПК в целях дестабилизации ситуации СУАР и для этого пропагандировала деятельность Народной революционной партии Восточного Туркестана, в очередной раз обещая оказать помощь ее сторонникам. Советская пропаганда намеренно преувеличивала роль этой партии, демонстрировала советскую поддержку и создавала основания для того, чтобы наиболее активная часть молодежи покинула страну с целью возвращения на родину с помощью СССР. Миграция в период «культурной революции» не приобрела сколь-нибудь значительных размеров и коснулась только молодежи в возрасте 20–40 лет, которая нелегально пересекала границу отдельными группами. Изучение пересечения государственной границы отдельными группами казахской и уйгурской молодежи пока представляется возможным только на основе жизненных историй участников этих событий. Проведенные интервью мигрантов последней волны переселения из СУАР (1968–1969 гг.) в советский Казахстан показали, что, несмотря на незначительный масштаб и ограниченность социальной основы, миграция периода «культурной революции» стала важным явлением в истории советско-китайских взаимоотношений.

Статья написана в рамках исследования, финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № AP08856732, договор № 322 от 20.11.2020 г.).

Список литературы

- 1 Камалов А.К. Миграция 1950–1970 гг. из Китая в Казахстан: факторы и основные этапы / А.К. Камалов // Отан тарихы. — 2021. — № 3 (95). — С. 144–152.
- 2 Китайская Народная Республика в 1969 году. — М., 1970. — 270 с.
- 3 Базильбаев А. Четыре года в хаосе: О так называемой «культурной революции» в Синьцзяне; пер. с каз.; предисл. К. Кожаметова. / А. Базильбаев. — Алма-Ата: Казахстан, 1978. — 144 с.
- 4 Robinson J. The Cultural Revolution in China / J. Robinson. — Middlesex: Penguin books, 1969. — 154 p.
- 5 Robinson T.W. (Ed.). The Cultural Revolution in China / T.W. Robinson. — Berkeley — Los Angeles — London: University of California Press, 1971. — 509 p.
- 6 Clubb O.E. China and Russia. The “Great Game” / O.E. Clubb. — New York — London: Columbia University Press, 1971. — 578 p.
- 7 McMillen D.H. Chinese Communist Power and Policy in Xinjiang, 1949–1977 / D.H. McMillen. — Boulder CO — Dawson — Folkestone: Westview Press, 1979. — 373 p.
- 8 Zhanishev S. Koz yesida nemlengen semin / S. Zhanishev. Istanbul: Teklimakan, 2009. — 718 p.
- 9 Egamberdi A. Hayat mensilliri / A. Egamberdi. — Istanbul: Teklimakan, 2019. — 556 p.
- 10 Kadeer R. Dragon Fighter: One Woman’s Epic Struggle for Peace with China / R. Kadeer. — Carlsbad: Kales Press, 2011. — 426 p.
- 11 Catris S.E. The cultural revolution from the edge: violence and revolutionary spirit in Xinjiang, 1966–1976. PhD Dissertation / S.E. Catris. — Bloomington: Indiana University, 2015. — 288 p.
- 12 Кожирова С.Б. Миграция из Китая в Казахстан: история и современность / С.Б. Кожирова. — Алматы: Мир, 2017. — 304 с.
- 13 Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан–Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция / Н.Н. Аблажей. — Новосибирск, 2015. — 255 с.
- 14 Сабитов Я. Эл сүйгән нурлук сима / Я. Сабитов // Уйғур авазы. — 2016. — 14 апреля. — С. 6, 7.
- 15 Benson L. The Ili Rebellion. The Muslim Challenge to Chinese Authority in Xinjiang, 1944–1949 / L. Benson. — Armonk NY — London: M. E. Sharpe, 1990. — 265 p.
- 16 Evans Michael E. A newly perfect storm: the use and fall of the Eastern Turkistan peoples revolutionary party. PhD Dissertation / M.E. Evans. — Bloomington: Indiana University, 2017. — 262 p.
- 17 Кари К. Казахам следует научиться работать у китайцев, считает ученый-историк. 21.02. 2011 г. / К. Кари [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://rus.azattyq.org/a/china_kazakhstan_alimgazy_dauletkhan/2316824.html
- 18 Интервью с Гульмирой И. (ненастоящее имя), 1950 г.р., г. Алматы.
- 19 Интервью с Абдушукуром Иминовым, 1948 г.р., мкр. Достык, г. Алматы.

А.К. Камалов, Р.К. Юсупов

«Мәдени революция» кезеңіндегі Қытайдан Қазақстанға көшіп-қонудың ауызша тарихы (1966-1976 жж.)

Мақалада 1966 жылы Қытай Халық Республикасында (ҚХР) басталып, он жылға жуық созылған «ұлы мәдени революция» деп аталған кезең болған 1950-1970 жылдардағы Қытайдың Қазақстанға мемлекетаралық көшіп-қонуының соңғы кезеңі зерттелген. Көшіп-қонудың сол кезеңінде ҚХР-дың Шыңжаң-Ұйғыр автономиялық ауданынан (ШҰАА) кеңестік Қазақстанға қоныс аудару жаппай сипатқа ие болған жоқ және «контрреволюционерлер» және «ревизионистер» ретінде билік қудалаған қазақтар мен ұйғырлардың жастары кеңес-қытай мемлекеттік шекарасының қазақстандық учаскесін топтасып кесіп өтуінде көрініс тапты. «Мәдени революцияның» алғашқы жылдарында жастардың жекелеген топтарының Қазақстанға қашуына байланысты оқиғалар «1950-1970 жылдардағы Қытайдың Қазақстанға көшіп-қонуының ауызша тарихы» атты ғылыми-зерттеу жобасын, мұрағат материалдары мен мемуарлық әдебиетті іске асыру барысында жазылған ауызша әңгімелер негізінде мақалада қайта жаңғырды. Ауызша әңгімелер мен басқа да дереккөздерді зерттеу аталған уақытта көшіп-қонудың өзіндік ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік берді, ШҰАА-ның жергілікті түркі халықтарының арасынан шыққан саяси белсенді жастардың шектеулі тобына қатысты болды және экстремалды саяси жағдайларда жастардың белгілі бір топтарының стихиялы қашуын көрсеткен, атап айтқанда, Қытай Коммунистік партиясының (ҚКП) әртүрлі топтары арасындағы билік үшін саяси күрес, жаппай саяси қуғын-сүргін және қудалау жағдайы. Босқындардың соңғы тобы Қазақстанға 1970 жылдың қарсаңында келді, содан кейін кеңес-қытай қатынастарында «темір перде» біржола жабылды.

Кілт сөздер: ауызша тарих, көшіп-қону, «мәдени революция», Шыңжаң, кеңес-қытай қатынастары.

А.К. Камалов

Oral History of Migration from China to Kazakhstan during the period of “Cultural Revolution” (1966–1976)

The article examines the last stage of interstate migration from China to Kazakhstan in 1950–1970, that is, the period of the so-called “great cultural revolution”, which began in the People’s Republic of China (PRC) in 1966 and lasted ten years. Migration of this period from the Xinjiang Uyghur Autonomous Region (XUAR) of the PRC to Soviet Kazakhstan was not mass-scale and took the form of groups of young Kazakhs and Uyghurs who crossed the Kazakh section of the Soviet-Chinese state border. They were persecuted by the Chinese authorities as “counter-revolutionaries” and “revisionists.” The events related to the escape of some groups of young people to Kazakhstan in the early years of the “cultural revolution” are reconstructed in the article based on oral histories recorded during the implementation of the research project “Oral history of migration in 1950–1970s from China to Kazakhstan”, as well as archival materials and memoir literature. The study of oral histories and other sources revealed specific features of the migration of that time: it affected a limited number of politically active youth from among the local Turkic peoples of the XUAR and represented the spontaneous escape of young people in extreme political conditions, namely, in the conditions of a political struggle for power between different groups of the Communist Party of China (CCP), mass political repression and persecutions. The last group of refugees arrived in Kazakhstan on the eve of 1970, after which the “iron curtain” in Soviet-Chinese relations finally closed.

Keywords: oral history, migration, “cultural revolution”, Xinjiang, Soviet-Chinese relations.

References

- 1 Kamalov, A.K. (2021). Migratsiia 1950–1970 gg. iz Kitaia v Kazakhstan: faktory i osnovnye etapy [Migration of the 1950–1970s from China to Kazakhstan: factors and main stages]. *Otan tarikhi — History of the Homeland*, 3 (95), 144–152 [in Russian].
- 2 (1970). Kitaiskaia Narodnaia Respublika v 1969 godu [People’s Republic of China in 1969]. Moscow [in Russian].
- 3 Bazilbaev, A. (1978). Chetyre goda v khaose: o tak nazyvaemoi «kulturnoi revoliutsii» v Sintsiane [Four years in chaos: on so-called cultural revolution in Xinjiang]. (K. Kozhakhmetova, Transl.). Alma-Ata: Kazakhstan [in Russian].
- 4 Robinson, J. (1969). *The Cultural Revolution in China*. Middlesex: Penguin books.
- 5 Robinson, T.W. (ed.) (1971). *The Cultural Revolution in China*. Berkeley–Los Angeles–London: University of California Press.
- 6 Clubb, O.E. (1971). *China and Russia. The “Great Game”*. New York–London: Columbia University Press.
- 7 McMillen, D. H. (1979). *Chinese Communist Power and Policy in Xinjiang, 1949–1977*. Boulder CO–Dawson–Folkestone: Westview Press.
- 8 Zhanishev, S. (2009). *Koz yeshida nemlengen semin*. Istanbul: Teklimakan [in Uyghur].
- 9 Egamberdi, A. (2019). *Hayat menzilliri*. Istanbul: Teklimakan [in Uyghur].
- 10 Kadeer, R. (2011). *Dragon Fighter: One Woman’s Epic Struggle for Peace with China*. Carlsbad: Kales Press.
- 11 Catris, S.E. (2015). *The cultural revolution from the edge: violence and revolutionary spirit in Xinjiang, 1966–1976*. PhD Dissertation. Bloomington: Indiana University.
- 12 Kozhirova, S.B. (2017). Migratsiia iz Kitaia v Kazakhstan: istoriia i sovremennost [Migration from China to Kazakhstan: history and modernity]. Almaty: Mir [in Russian].
- 13 Ablazhei, N.N. (2015). Kazakhskaa migratsionnyi maiatnik «Kazakhstan-Xinjiang». Emigratsiia. Repatriatsiia. Integratsiia [The Kazakh migration pendulum. Emigration. Repatriation. Integration]. Novosibirsk [in Russian].
- 14 Sabitov, Ya. (2016). El suygen nurluq sima. Uyghur avazi. 14 April, 6–7 [in Uyghur].
- 15 Benson, L. (1990). *The Ili Rebellion. The Muslim Challenge to Chinese Authority in Xinjiang, 1944–1949*. Armonk NY–London: M. E. Sharpe.
- 16 Evans, Michael E. (2017). *A newly perfect storm: the use and fall of the Eastern Turkistan people’s revolutionary party*. PhD Dissertation. Bloomington: Indiana University.
- 17 Kari, K. (2011). Kazakham sleduet nauchitsia rabotat u kitaitsev, schitaet uchenyi-istorik [Historian believes that the Kazakhs should learn from the Chinese how to work]. Retrieved from https://rus.azattyq.org/a/china_kazakhstan_alimgazy_dauletkhan/2316824.html [in Russian].
- 18 Interviu s Gulmiroi I. (nenastoiashchee imia), 1950 g.r. Almaty [Interview with Gulmira I. (not real name), born 1950, city of Almaty]. [in Russian].
- 19 Interviu s Abdushukurom Iminovym, 1948 g.r., mkr. Dostyk, Almaty [Interview with Abdushukur Iminov, born 1948, micro-district Dostyk, city of Almaty] [in Russian].